

Полемические размышления о возможности полемики в современной философии

М. Узелац

На вопрос, возможна ли полемика в области философии в наше время, автор отвечает негативно, исходя из следующих соображений: в ранние эпохи реального столкновения мнений не могло быть, поскольку все философы находились внутри целостного понимания мира и их учения не противоречили друг другу; сегодняшние мыслители не обладают больше представлением о мире, которое могло бы их объединить и дать им единое основание для формирования спекулятивных понятий.

Ровно полвека назад Г.Г. Гадамер опубликовал небольшую работу под названием «Unfähigkeit zum Gespräch», в которой попытался ответить на вопрос: каким образом были утрачены предпосылки, определявшие возможность диалога – и шире, разговора вообще – между людьми, или как бы мы сегодня сказали, на чем основывается коммуникация внутри некой социальной общности? Этот вопрос, как мне кажется, в современном мире вошел в категорию «вечных», и его можно рассматривать с различных точек зрения. Мне бы хотелось обратиться к нему на примере философии, сузив и отчасти переформулировав его, и рассмотреть проблему возможности / невозможности разговора между философами и философскими направлениями, которые они представляют.

Выбранная тема звучала бы так: возможна ли коммуникация между философами и философскими школами в современных условиях «плюрализма» и «релятивности»? И, более того, в какой мере она вообще возможна, если принять во внимание, с одной стороны, опыт философских школ предыдущих эпох, а с другой – необыкновенную плодотворность современных философов (или тех, кто себя такими считает)?

Вероятно, о борьбе различных взглядов, о дискуссиях и философском диалоге между мыслителями, прежде всего философски ориентированными теологами, можно было бы говорить применительно ко времени высокой схоластики в XIII в. Но какими бы глубокими ни были различия во взглядах доминиканцев и францисканцев и их виднейших представителей Бонавентуры и Фомы Аквинского, их споры все-таки были «внутрисемейным» выяснением отношений, а не некой стратегически непримиримой полемикой, в которой невозможно дойти до взаимопонимания. Можно было бы даже сказать, что в их случае существовал некий общий молчаливый договор, который никто не пытался оспорить. Борьба католической церкви в лице доминиканцев и францисканцев против латинских аверроистов, закончившаяся для ее участников по-разному – Бонавентура и Фома были причислены к лику святых, а их соперники стали изгнанниками или были осуждены на заключение, – в своей основе оставалась дискуссией разных точек зрения на суть учения Аристотеля.

Даже часто приводимый в пример знаменитый спор номиналистов и реалистов в са-

■ Межкультурная коммуникация

мом своем начале был скорее недоразумением, возникшим из неверного понимания учения Платона, чем действительно полемикой, затрагивающей суть этого учения. И только позднее, когда участники того недоразумения были практически забыты, оно получило в истории свою «схоластически» определенную форму – форму спора.

И во времена Ренессанса, когда вновь появились различные философские точки зрения, хотя это время не привносит ничего нового, кроме углубленных подходов к обновлению и интерпретации старых идей, также трудно говорить о борьбе философских мнений. Этот период характеризуется скорее нюансами внутри одного и того же миропонимания, чем противопоставлением и столкновением идей. Хотя необходимо понимать, что «нюансы» были таковыми, что из-за них теряли жизни (правда, в этом было и много личного – намного больше зависти и неприязни, чем искреннего поиска истины).

Начало Нового времени ознаменовалось крупными философскими спорами между университетскими неосхоластиками, однако содержание этих споров в величайшей мере принадлежало средневековому прошлому. Их темы существенно отличались от тем, которые формулировал Декарт. Именно поэтому между профессорами Сорбонны и Декартом не могло быть настоящей полемики: будучи современниками, они принадлежали духовно различным временам.

Вся позднейшая философия от Декарта до Гегеля сегодня нам представлена как непрерывная нить, в ней содержится меньше противоречий между философами, а больше точек соприкосновения и взаимопроникающих идей, что только подтверждает единство метафизического основания философии.

Первый настоящий «философский спор» мог бы быть обнаружен историками философии между учениками и последователями Гегеля, но если посмотреть на этот факт с некой дистанции, он будет выглядеть несколько проблематичным. И старогегельянцев, и младогегельянцев связывала принадлежность к господствовавшей в умах гегелевской философии, бывшей в то время мыслительной вершиной, поэтому на второй план отходит вопрос, в какой мере одни защищали Гегеля, а другие оспаривали. Факт остается фактом: ни одни, ни другие не могли выйти из тени великого мыслителя, с именем которого закончилась история философии и которого можно сравнивать только с Аристотелем.

Пребывая в постгегелевском периоде, мы являемся свидетелями того, что все современные философские направления или в определенной степени исходят из философии Гегеля и таким образом остаются в ее тени, или предпринимают попытку полностью ее отрицать, но при этом ни на шаг не отходят от нее, в лучшем случае достигают некоего «подуровня» гегелевской философии и, вопреки видимости «современ-

ности», остаются антикварными. Невозможно не согласиться с мыслью Ж.-П. Сартра о том, что философия Гегеля и философия Маркса останутся философиями нашего времени до тех пор, пока не будут преодолены категории, которые их обусловили.

Наше время, если так можно выразиться, «свободно» от столкновения философских школ, поскольку в нем нет ни великих философских школ, ни великих философов. Факт остается фактом: после Гегеля ни один их крупных философов не имел хотя бы два поколения своих последователей. Если кто и мог бы претендовать на это, прежде всего это был бы Э. Гуссерль, с именем которого связано одно из самых мощных философских течений XX в. – феноменологическое.

И хотя Гуссерль в течение всей своей жизни руководствовался идеей о философии как о строгой науке, которую, по его представлениям, как рабочую философию, как идею бесконечной миссии будут создавать поколения будущих философов, уже непосредственные и верные его ученики констатировали, что после недолгого «духовного воодушевления» каждый из феноменологов пошел своим путем, что особенно характерно для самого талантливого ученика Гуссерля и крупнейшего мыслителя прошлого столетия – М. Хайдеггера. Но за Хайдеггером – возможно, по причине всеохватности его философии, возможно, вследствие его духовной величины и мыслительной глубины – не пошел никто, и в его случае невозможно говорить ни о какой философской школе.

Сам Гуссерль обращался к вопросу о спорах философских школ, но он имел в виду не столкновение равноправных, одинаково достойных философских позиций, а спор, в котором участвуют скептические философии, с одной стороны, и жизненные философии, с другой. Ко второй группе, по Гуссерлю, относятся феноменология, и ей противоположит не какая-то другая философия, а не-философия, воплощенная в скептицизме, ставшим болезнью нашего времени. Скептицизм зачарован природными науками, только в них видя действительную ценность. Как отмечал Гуссерль в работе «Философия как строгая наука» (1911 г.), «наше время хочет верить только в «реальности». И вот его прочнейшей реальностью является наука». Поэтому, скорее всего, можно говорить о полемике науки и философии, чем о споре различных «философий». Но такое предположение ошибочно методологически, поскольку философия и наука находятся на различных уровнях; кризис современных наук, о которых говорил Гуссерль, является последствием проникновения рационализма в натурализм и объективизм и его (рационализма) реализации, а не опровержением самой сути рационализма.

Современные науки потеряли свою универсальную ответственность; вопросы бытия, ценностей и экзистенции они считают софист-

скими; рядом с современной наукой, манифестирующей свою самодостаточность, философия оказалась отодвинутой к периферии человеческой духовной деятельности. Антагонизм современных наук и философии поставил под сомнение саму необходимость занятия философией. Таким образом, проблема возможной осмысленной и плодотворной полемики в философской среде, отражающей столкновение различных точек зрения, потеряла в наше время всякую актуальность, более того – сама философия затормозилась в своем движении.

Согласно Гуссерлю, самая большая опасность для Европы крылась в усталости как последствия неверия и отчаяния, созданных вокруг себя одной не-философией, в которую переродилась философия, зараженная скептицизмом, берущим начало в натурализме и психологизме. Сегодняшняя философия исполнена индолентностью, неверием, ощущением ненужности, которые усиливаются при любой критической атаке как со стороны прикладных наук, стремящихся к немедленной реализации достигнутых результатов, так и со стороны сферы реализованных достижений, приносящих сиюминутную прибыль.

В отличие от философии, наука не знает проблемы «повторения пройденного», она не возвращается к началу пути, наука не знает необходимости в исследовании своего истока, поскольку она, как говорит Хайдеггер, не мыслит. Наука не может позволить себе переосмысление понятий и предположений, на которых она базируется: в противном случае она навсегда осталась бы в исходной точке и была бы лишена развития. Идея прогресса встроена в основания науки, и оспорить прогресс – значит оспорить сами принципы, на которых существует наука.

Философия же свой смысл видит в постоянном вопрошании о своей и любой другой основе, живет в необходимости заново осмысливать уже существующие, ранее сформированные понятия. Переосмысление прежних понятий никак не связано с «исправлением ошибок», оно просто необходимо в силу того, что предметы, с которыми соотносятся понятия, постоянно меняются.

Мы живем, окруженные балластом критически неосмысленных, окаменевших понятий, чье значение было усвоено раз и навсегда. Это не просто симптом нашего времени. Ставки в игре куда выше: в действительности, это один из самых важнейших способов манипулирования людьми и вещами, среди которых исчезает ранее

существовавшее онтическое различие. Место философов, в которых Гуссерль видел «функционеров человечества», заняли технократы, чьи истинные цели весьма далеки от идеала развития человеческого сообщества на диалогических принципах.

Современная философия живет не только в тени великих философских систем прошлого (от Спинозы до Гегеля), но и в тени блестящих спекулятивных достижений, создавших условия для метаморфозы западной метафизики. В отсутствии системы и всеохватной мысли о мире, которая была бы способна постичь универсум как целостность, мы вынуждены жить на духовных развалинах прошлого.

Философы в неспособности видеть дальше границ коммуникативного пространства, которое определяется новыми агрессивными массмедиа, вынуждены существовать атомизированными группами с лабильными внутренними связями и своим собственным «философским языком», который невозможно использовать для общения вне узкой группы. Невнятная речь современной философии, даже если бы она и была обращена к Людям, мало что значила бы для них и, скорее всего, вызвала бы (ошибочное) заключение о никчемности философии.

Подводя итог, мы можем сказать:

1) история философии показывает, что философские школы, или различные «философии», никогда не противостояли друг другу, поскольку философия всегда была единственной; полемика была возможна с не-философиями, проникнутыми духом скептицизма и антисубстанциализма;

2) и над философией, и над не-философией нависла новая универсальная опасность, исходящая из новых коммуникационных возможностей – безграничных по форме, но жестко ограниченных по сути, являющихся могущественным средством создания петрифицированного мышления, лишённого саморефлексии.

Uzelaz Milan. Polemical Reflections about the Possibility of Controversy in Contemporary Philosophy.

Summary: *On the question whether the controversy in the field of philosophy in our time, the author responds negatively, for the following reasons: in the early ages of the real clash of interests could not be, because all the philosophers were inside understanding integrity of the world and their teaching is not consistent; today's thinkers have no more idea of the world that they could unify and give them a uniform basis for the formation of speculative concepts.*

Ключевые слова

Диалог, плюрализм, релятивность, постгегелевский период, феноменология Гуссерля, антагонизм современных наук и философии.

Keywords

Dialogue, pluralism, relativity, postgegelevsky period, the phenomenology of Husserl, antagonism of modern science and philosophy.